

Как и почему повторы служат скрепами текста?

1.

Лингвистика текста возникла в 60-х годах прошлого века и в основном занималась когезивными средствами постепенно развертываемой языковой последовательности; средства эти считались неспецифичными и годившимися для текста любого типа. И так оно и было. Перечислить эти средства несложно: это анафорика, синонимическая замена, тема-рематическое членение, просодическое подчеркивание (в плане выражения), а также дистрибуция нового – упомянутого, определенного – неопределенного (в плане содержания). Школа лингвистики текста интересным образом слилась с французской школой структурализма, в особенности, с трудами Ролана Барта, создавшего учение о «лексиях» и традиции медленного расшифровочного чтения.

Между тем, в рамках Московской семиотической школы возникло несколько иное направление, методологическим кредо которого было представление текста как цельного пространства, в рамках которого осуществляются когезивные скрепы и, таким образом, возникают «ключи», помогающие разгадать и выявить «неочевидные смыслы» текста (Топоров 1983; Николаева 1997). Разумеется, подобный метод применим в основном к текстам замкнутым, не слишком протяженным и имеющим некий смысловой центр.

Прежде всего такими текстами являются тексты стихотворные. Хочу представить читателю два стихотворения не самых знаменитых, но и не самых старых поэтов 30-х гг. XX века.

Итак, первый:

А.С. Кочетков «Баллада о прокуренном вагоне» (1932):

– Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, –
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под тилой.
Не зарастет на сердце рана,

*Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана –
Прольется пламенной смолой.*

*– Пока жива, с тобой я буду –
Душа и кровь неразделимы –
Пока жива, с тобой я буду –
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду –
Ты понесешь с собой, любимый, –
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.*

*– Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
– За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба – я и ты.*

*– Но если я безвестно кану –
Короткий свет луча дневного –
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
– Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.*

*Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне,
Вдруг изогнулся страшным креном,*

*Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.*

*Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастая в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!¹*

Это стихотворение пронизано повторами. Эти повторы соединяют текст и держат читателя (слушателя) в напряжении. Повторяющиеся строки идут через одну. Но и каждая строка новой строфы рифмуется с пятой от себя строкой в этой же строфе: *странно – рана; ветвями – слезами; пилой – смолой; буду – повсюду; нераздвоимы – любимый; вдвоем – дом* и т.д. Но есть лексико-семантическая переключка: *раздваиваться – нераздвоимы; ветвями – пилой – смолой; любовь и смерть – любимый* и, наконец, как сильный заключительный гром оркестра: *С любимыми не расставайтесь* (повторено трижды); *И каждый раз навек прощайтесь!* (также трижды, усиленно!). Это стихотворение А.С. Кочеткова написано по всем правилам русского стиха. И все-таки оно что-то напоминает, и в нем есть одна строчка, к которой я еще вернусь.

Рассмотрим еще одно стихотворение из того же времени²:

¹ Цитируется по изданию: Чудное мгновенье 1988, 232–234.

² Мною сознательно выбраны для начального отталкивания от темы стихи, малоизвестные нероссийским читателям.

И. Уткин. Типичный случай:

*Двое тихо говорили, расставались и корили:
Ты – такая! Ты – такой! Ты плохая! Ты плохой!
Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад!*

*Дело было на вокзале, дело было этим летом,
Все решили, все сказали, были куплены билеты.
Паровоз в дыму по пояс бил копытом на пути,
Голубой курьерский поезд вот-вот думал отойти.
Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад!*

*Но когда чудак в фуражке поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки, semaфор огонь зажжeг,
Но когда, в двенадцать-двадцать, бьeт звонок – один, другой,
Надо было расставаться, надо было расставаться...*

*Дорогая! Дорогой! Я – такая! Я – такой! Я плохая! Я плохой!
Я не еду в Ленинград! Как я рада! Как я рад!*

(Уткин 1966, 159)

Интересно, что глубинная семантика этого стихотворения противоположна, просто антонимична, семантике стихотворения А. Кочеткова. (Написано это стихотворение позже, в 1935 г., так что откликом быть может, хотя стихотворение Кочеткова было опубликовано только в 1966 году в сборнике «День поэзии», но оно было широко известно, ходило по рукам, переписывалось на фронте и под.). В обоих случаях Она провожает Его. Они говорят, видимо, на платформе или перед дорогой. Здесь Они ссорятся и хотят расстаться. Но произошло примирение и за ним – *happy end* и объяснение в любви. То есть ситуация антонимична ситуации в стихотворении А.С. Кочеткова. Рифмуются здесь две первые строки каждой строфы; представлена (в первой строфе) и рифма перед цезурой: *говорили – корили; такой – плохой; Ленинград – рад*. В двух следующих строфах рифмуются предцезурные элементы первых двух строк: *вокзале – сказали; по пояс – поезд; фуражки – барашки* и т.д. и попарно строки строф: *летом – билеты; пути – отойти; флажок – зажжeг*. Дополнительными скрепами-повторами являются синтаксические конструкции: *Дело было – Дело было; Но когда – Но когда...* Общей же скрепой-повтором являются последние строки строк, как бы «реферат» со-

держания: *Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад! – Надо было расставаться, надо было расставаться. .. – Я не еду в Ленинград! Как я рада! Как я рад!* Однако это стихотворение является не только антитезой-повтором стихотворению Кочеткова, но и само оно строится на системе антитез-повторов, выступающих как скрепы текста. См. в начале Он обвиняет Ее: *Ты – такая; Ты – плохая*. Она обвиняет Его: *Ты – такой; Ты – плохой*. В конце они обвиняют сами себя: *Я – такая; Я – плохая; Я – такой; Я плохой*. Смысловая доминанта – *Я не еду в Ленинград* (см. в начале: *Уезжаю в Ленинград*).

Если вернуться к эпохе почти тысячелетней давности, то мы увидим, что именно система антитез-повторов держит как когезивное средство смысловой каркас «Слова о полку Игореве» (см. об этом подробнее: Николаева 1988 и Николаева 1997, а также: Лихачев 1983 и Демкова 1979). Ведь само «Слово» – это Песнь, тяготеющая скорее к стихотворному статусу.

При этом если антитезы обеспечивают цельность текста, его семантическую замкнутость, то чистые повторы работают на его связность, когезивность. Приведем небольшой отрывок из «Слова» для демонстрации высказанных положений. Князь Всеволод заявляет, что у него кони *готови, осьдлани у Курьска напереди. А мои куряне свьдоми къмети... пути имь вьдоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени*³. Тут же сообщается, что враги, половцы, *неготовами дорогами побьгоша*. Если мы узнаем в начале, что у курян *луци напряжени, тули отворени*, то в конце текста Ярославна с мольбой сообщает, что беспощадное солнце *въ поль безводнъ жаждею имь лучи съпряже, туюю имь тули затче*. Если считать исход воинского похода Игоря счастливым, то это подчеркивается антитезами-повторами и в заключительной части текста:

Солнце ему тьмою путь заступаше – см. Солнце свьтитя на небесь;

Щекоть славий успе – Соловии весельми пьсьными свьтъ повьдають;

Говорь галичь убуди – Галици помлькоша.

Разумеется, вся виртуозно построенная система антитез-повторов

³ Здесь и далее текст «Слова» цитируется по изданию: Слово 1950.

и повторов излагается здесь мною из-за заданной краткости текста крайне упрощенно. Однако хотелось бы обратить внимание еще на один вид повторов, скрепляющих текст «Слова». Это повторы-цитаты. Так, Святослав Киевский повторяет прежние слова автора: *А Игорева храбраго плъку не кръсити*; Автор повторяет слова князя Всеволода: *Сами скачуть, акы стърѣи вльци въ польѣ, ищучи себе чти, а князю славъ*; Игорь повторяет слова реки Донца: *О Донче! Не мало ти величия*; Кончак повторяет слова Гзака: *Аже соколь къ гнѣзду летитъ, а соколца...* и т.д. Повторяются в тексте однокоренные слова: *ни мыслию смыслити, ни думою сдумати*. Повторяются синтаксические конструкции, например, печальные картины разгрома русских описываются через *уже*-конструкции.

Система антитез-повторов и повторов распространяется и на звуковую ткань «Слова», таковы антитезы-повторы: *Сорокы втроскоташа* : СОР-ОК / РОС-КО; *Връже жребий* : РЪЖ / ЖР; *Бръзья комони да позримъ*: РЪЗ / ЗР; *Щиты прегородиша ищучи* : ЩИ / ИЩ и т.д. Все же повторы в звукописи «Слова» были разделены мною на четыре основных типа: 1) инициали, 2) темы, 3) фуги, 4) анаграммы. Например, такова инициаль По: *По-роси По-ля П(о) рикриваютъ*; тема М: *Смагу мычючи въ пламянь розъ*; fuga К-Т-З: *Клетомъ на кости звѣри зовуть*; анаграмма имени Ростислав, обнаруженная мною: *Р-гька СТУ-гна х-У-д –У СТРУ-ю имгья пож-Р-ъши ч-У-жи РУ-чьи и СТРУ-гы Р-о-СТР-ена къ УСТ-ью*.

Были рассмотрены три разных по жанру примера и со всей несомненностью система повторов в них выявилась.

Можно утверждать, что система повторов характеризует любой стих. Ибо сам ритм стиха, его метрика суть повторы. И аллитерационно-ассонансная структура – это также повторы звукового уровня. Собственно говоря, сами рифмы в рифмованном стихе несомненно родились из потребности в повторах – скрепах и опорах каркаса стихотворной строки.

2.

Но одинок ли поэтический текст в этой своей устремленности на повторы?

Обратимся к совершенно иному виду текстов.

Стану благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из во-

рот воротами, на широкий двор, в чисто поле. В чистом поле помолюся, поклонюся. Есть двенадцать ветров, двенадцать вихорев, сильны, буйны, как сушите, крушите весной по поле, среди лета теплого ниву сжату, траву скошену, так же высушите, выкрушите моего суженого-ряженого черные брови, черные очи, кровь его горяча и сердце ретиво. Так бы не мог быть раб Божий без такой-то. Ни дня дневать, ни ночи спать, ни часа скоротать. Так бы была я, раба Божия, ему днем – на уме, ночью – во сне и на разуме. Аминь (РЗЗ 1998). Как видно, этот текст насыщен повторами. Повторяются буквально лексемы, повторяются синонимы, повторяются синтаксические конструкции. Это – заклинание, или заговор на любовь. Возможен и иной заговор – на разлуку:

Стану не благословясь, пойду не перекрестясь, выйду не этими дверьми, выйду подвальным бревном, выйду я мышинной тропой, выйду в дальний восток, там стоит тын, в этом тыну стоит дом, в этом доме стоит печь, в этой печи огонь пылае, век не утихае, на этой печи сидят кошка и собака – дерутся, цапаются, царапаются, кровью умываются, век на встречу не встречаются, так бы, как и (имена) (там же). И здесь наличие повторов и очевидно, и обязательно.

О повторах в русской народной традиции (в данном случае мы сознательно отвлекаемся и от славянской традиции вообще, где, конечно, повторы столь же обязательны, и от проблем типологического характера) писали очень много. Из последних работ хочется отметить книгу И.Ф. Амроян (Амроян 2005), специально посвященную классификации повторов в народной традиции. Ею выделяется нанизывание – это такой тип повтора, «когда каждое последующее звено, присоединяясь к предыдущему, обязательно воспроизводит из трех его основных элементов два» (Амроян 2005, 50). Нанизывание может быть линейным – когда звенья повтора семантически равнозначны, или идти по возрастающей: *Шла баба, нашла лапоть, за лапоть куру, за куру гуся, за гуся барана, за барана быченьку*. Другой выделенный ею тип повтора – кумуляция, когда добавление нового звена обязательно предполагает повторение всех предыдущих и тем самым обеспечивается нагнетание ситуации. Такова, например, известная всем русским детям песенка Колобка (Амроян 2005, 127): *Я по коробу скребен, На сметане мешон, Да в масле пряжен, На окошке*

стужон, Я у дедушки ушел, Я у бабушки ушел, Я у зайца ушел, Я у волка ушел, У тебя, медведь, не хитро уйти. Еще один вид повтора – кольцевой (на нем построены так называемые докучные сказки). Например, *На море на Океане, На острове на Буяне стояла ель. На ели торчало мочало. Его ветром качало, А оно все молчало. Не начать ли нам сказочку сначала?* (Амроян 2005, 148). В книге И.Ф. Амроян приводятся и более усложненные виды повторов в народной традиции, на которых мы останавливаться не будем. Помимо повторов указанного типа, в основном, как видно, являющихся лексико-синтаксическими, народную поэзию характеризуют так называемые сквозные эпитеты и тавтология. Сквозной эпитет служит сильным средством, скрепляющим текст. Например, *Идет чудесный человек и несет чудесный топор, да идет в чудесный лес и срубает чудесные деревья, да несет их на чудесное поле, да делает чудесный загон, загоняет чудесное стадо, доит чудесное стадо...* (Амроян 2005, 188)⁴. Тавтологии посвящена специальная статья Л.Г. Невской (Невская 1983), в которой она разбирает такие сочетания русских обрядных текстов как *путь-дороженька, родимая-любимая, нехорошо-плохо, забыла-оставила* и под.

Хочу заметить, что рифмованные стихи и тексты со сквозными эпитетами окружают русского ребенка с самого раннего детства и лично для меня, чисто городского, даже столичного, человека, оказался странным вопрос одной французской славистки, спросившей меня о том, почему русские детские стихи всегда являются рифмованными. До этого мне казалось, что иначе и быть не может. К этой же сфере относится и многократно решаемый и все-таки нерешенный вопрос о том, почему в русской поэтической традиции не приживается *vers libre*.

Но какова же функция этих повторов в традиционном народном тексте? По мнению И.Ф. Амроян слово в заговорно-заклинательном

⁴ В детстве даже самых городских детей пугают страшилками, произносимыми с нарастающей по силе интонацией вроде *Стоит черный черный дом, в нем черная черная комната, у нее черные черные стены и черные черные окна. В этой черной черной комнате стоит черный черный стол и на нем сидит черный черный...* Страшилка обычно не доканчивалась, так как дети, боясь, взвизгивали.

тексте⁵ «является одним из средств творения особого, ирреального мира, где происходят определенные события, которые, основываясь на законе подобия, должны произойти и в мире реальном. Причем в рамки ирреального мира может входить, и часто действительно входит, только вербальная составляющая – творение ирреальности происходит исключительно путем ее наименования, описания» (Амроян 2005, 228). То есть повтор ведет нас к наиболее архаичным способам и моделям освоения универсума.

Однако повтор в заговорно-заклинательных текстах не есть просто отражение универсума. Как пишет теоретик и основатель польской традиции этнолингвистики Е. Бартминьский, повтор «самым тесным образом связан с сакральным взглядом на мир (является и его результатом, и средством его отображения).

Выдвигая тезис о ритуальной – производной от *sacrum* и вместе с тем сакрализующей – функции повтора как наиболее древней и основополагающей по сравнению с многими прочими его функциями, мы трактуем *sacrum* как понятие элементарное (в духе М. Элиаде – с позиций универсализма), не соотнося его с более развитой христианской идеей Бога-человека как источника всякой святости» (Бартминьский 2005, 407). И далее: «Чем глубже мы проникаем в прошлое языка и культуры, тем очевиднее для нас становится частота и роль повторов. В светских и рационалистических культурах повторы имеют ограниченную сферу применения» (Там же, 408).

И однако в фольклористике, на мой взгляд, недостаточно подчеркивается простая вещь: **заклинание заклинает**. То есть говорящий **обращается к** чему-то или к кому-то с просьбой или мольбой.

Снова вернемся к поэзии. См. стихотворение А.С. Пушкина «Талисман»:

*Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы, / Где луна теплее
блещет / В сладкий час вечерней мглы, / Где, в гаремах наслаждаясь,
/ Дни проводит мусульман, / Там волшебница, ласкаясь / Мне
вручила талисман.*

*И, ласкаясь, говорила: / «Сохрани мой талисман: / В нем таинственная
сила! / Он тебе любовью дан. / От недуга, от могилы, /*

⁵ Я опускаю для логики изложения проведенные ею сравнения русских, болгарских и чешских текстов.

В бурю, в грозный ураган, / Головы твоей, милый, / Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока / Он тебя не одарит, / И поклонников пророка / Он тебе не покорит; / И тебя на лоно друга, / От печальных чуждых стран, / В край родной на север с юга / Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи / Очаруют вдруг тебя, / Иль уста во мраке ночи / Поцелуют не любя – / Милый друг! от преступленья, / От сердечных новых ран, / От измены, от забвенья / Сохранит мой талисман»⁶.

Перед нами типичное «заклинание-заговор от разлучницы» с вручением материального оберега (известно, что поэту было подарено кольцо).

3.

Итак, повторы в тексте ведут нас к мольбе, поскольку заклинание – это мольба, обращение к некоей иномирной силе – как вредоносной, так и могущественной, несущей добро.

Т.Я. Елизаренковой в специальной монографии были описаны модели обращения к индуистским божествам в ведийских гимнах. Имя бога или обращение к нему должно было многократно повторяться, каждый раз с добавлением описания его могущества, и кончатся обращение должно было конкретной мольбой, например:

О боги, вы, которых на небе пребывает одиннадцать / На земле пребывает одиннадцать / Живущих в водах со своей мощью пребывает одиннадцать, / О боги, примите ту жертву <...>

Сама очищается для нас, завоевывая коров, завоевывая колесницы, завоевывая золото, / Завоевывая солнце, завоевывая воды, завоевывая тысячи, / Тот, кого боги создали как хмельной напиток для питья, / Как сладчайшую каплю, золотистую, дающую радость <...>

О Индра, я считаю тебя достойным жертв среди достойных жертв, / Я считаю тебя сотрясателем несотрясаемых, / Я считаю тебя, о Индра, знаменем воинов, / Я считаю тебя быком среди народов. (Елизаренкова 1993; приведенный русский текст – перевод Т.Я. Елизаренковой).

---

⁶ Цитируется по изданию: Пушкин 1950, III, 35–36.

Именно так обращается к божествам-стихам жена князя Игоря Ярославна. Так же точно обращается (возможно, под влиянием «Слова») к стихам королевич Елисей у А.С. Пушкина, разыскивая свою невесту:

«Свет наш солнышко! Ты ходишь / Круглый год по небу, сводишь / Зимы с теплою весной, / Всех нас видишь под собой. / Аль откажешь мне в ответе? <...>

Месяц, месяц, мой дружок, / Позолоченный рожок !/ Ты встаешь во тьме глубокой, / Круглолицый, светлоокой, / И, обычай твой любя, / Звезды смотрят на тебя. / Аль откажешь мне в ответе? <...>

Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, / Ты волнуешь сине море, / Всюду веешь на просторе, / Не боишься никого, / Кроме Бога одного. / Аль откажешь мне в ответе?»⁷

Самое поразительное, что именно так была построена известная песня о Сталине, которая нам пелась с детства:

Сталин наша слава боевая! Сталин – нашей юности полет! С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет. (Маловероятно, чтобы авторы этой песни были знакомы с моделями ведийских гимнов. Скорее всего, это «скрытая память» индоевропейской архаики).

Иисус Христос в Нагорной проповеди призывал к краткости молитвы: *А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны* (Мт.6.7) (Новый завет). Это выражение «многословие» обычно так и передано во многих языках, начиная с греческого языка Нового завета (πολυλογία). И только один раз мне попала в руки (в Финляндии) Библия, где в этом месте было сказано о язычниках (*pagans*), которые *repeated and repeated*. К сожалению, я не записала выходных данных именно этой книги. Однако и в православных христианских молитвах в очень большом количестве имеются повторы: не только синтаксические, но и буквальные повторы конструкций. Например:⁸

Приидите, поклонимся Цареву нашему Богу.

Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареву нашему Богу.

⁷ Цитируется по изданию: Пушкин 1950, IV, 471–472.

⁸ Примеры приводятся из: Молитвословы 1912.

Приидите, поклонимся и припадемъ самому Христу, Цареву и Богу нашему.

<...>

Святый Боже, Святый Кръпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ.

<...>

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша вольная и невольная, яже въ словѣ и въ дѣлѣ, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, яже во дни и въ нощи, яже въ умѣ и въ помышленіи...

Примеры можно варьировать и приводить до бесконечности.

О чем говорит все вышесказанное? Как кажется, о том, что стихи – если это настоящие стихи – восходят в конце концов к заклинаниям, к мольбе, к молитве. Неслучайно женщина, в приведенном в начале статьи стихотворении А.С. Кочеткова говорит: *Я за тебя молиться буду*. Ибо стих – это обращение к кому-то Иному, будь то любимая женщина, любимый мужчина или божество. И именно повторы – лексическое верное свидетельство установки на связность, на когезивность текста – говорят об архаичности исходных поэтических моделей, говорят о «скрытой поэтической памяти» Homo sapiens.

Литература

- Амроян 2005 – И.Ф. Амроян. Повтор в структуре фольклорного текста. М., 2005.
- Бартминьский 2005 – Е. Бартминьский. О ритуальной функции повтора в фольклоре: к вопросу о поэтике сакрального // Ежи Бартминьский. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Векшин 2006 – Г.В. Векшин. Очерк фоностилистики текста. М., 2006.
- Векшин 2008 – Г.В. Векшин. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение, № 90, 2008.
- Векшин 2008а – Г.В. Векшин. Когда приступим к подсчетам? (к дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // Новое литературное обозрение, № 90, 2008.
- Демкова 1979 – Н.С. Демкова. Повторы в «Слове о полку Игореве». К изучению композиции памятника // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979.

- Елизаренкова 1993 – Т.Я. Елизаренкова. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.
- Зубова 2008 – Л. Зубова. Звуки поэзии (к статье Г.В. Векшина «Метафония в звуковом повторе») // Новое литературное обозрение, № 90, 2008.
- Кузьмин 2008 – Д. Кузьмин. Рифма и звуковой повтор: внутри единого процесса // Новое литературное обозрение, № 90, 2008.
- Лихачев 1983 – Д.С. Лихачев. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература, 1983, № 4.
- Молитвословь 1912 – Молитвословь. Киев, 1912.
- Невская 1983 – Л.Г. Невская. Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Николаева 1997 – Т.М. Николаева. «Слово о полку Игореве». Лингвистика текста и поэтика. М., 1997.
- Новый Завет – Новый завет Господа нашего Иисуса Христа, Нью-Йорк, Американское Библейское общество (год не указан; б/г).
- Орлицкий 2008 – Ю.Б. Орлицкий. Первый шаг к новой теории // Новое литературное обозрение, № 90, 2008.
- Пушкин 1950 – А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том III, IV. М.-Л., 1950.
- РЗЗ 1998 – Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953–1993. М., 1998.
- Слово 1950 – «Слово о полку Игореве» / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950.
- Топоров 1983 – В.Н. Топоров. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Уткин 1966 – И. Уткин. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966.
- Фарыно 2004 – Е. Фарыно. Повтор: свойства и функции // Алфавит. Строе-ние повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. СПбУ, 2004.
- Чудное мгновенье 1988 – Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. М., 1988, книга 2.